

Мария Коңюшкевич
(Гродно)

ПРОКЛЯТИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ БЕЛОРУСОВ

Artykuł stanowi próbę opisu przekleństw funkcjonujących we współczesnym języku białoruskim (*кленічы, праклён, кляцьба, пракляцце*). Analiza bogatego materiału językowego zaczerpniętego z gwar, języka potocznego oraz utworów literackich pozwoliła na ustalenie najistotniejszych cech przekleństw białoruskich: 1. powszechność użycia, 2. częstsze występowanie w języku kobiet niż mężczyzn. 3. swoistość intonacji — przeciągłość i monotonia, 4. drastyczność treści, 5. sprzeczność treści z tradycyjną tolerancją i łagodnością Białorusinów, 6. stereotypowy charakter struktury przekleństw, 7. poetyckość, 8. korelacja treści przekleństwa z konkretną sytuacją-bodźcem.

Autorka stara się udzielić odpowiedzi na pytania: Co stanowi przyczynę znacznej popularności przekleństw w języku Białorusinów? Czy popularność ta wynika ze specyfiki gatunku czy specyfiki etnosu? Na czym polega swoistość gatunku przekleństwa? Jakie są funkcje przezwisk w procesie komunikacji językowej? Czy funkcje te podlegają zmianom historycznym? Czy są to teksty tworzone, czy tylko odtwarzane? Jaki jest stopień stereotypizacji tych tekstów? Po dokonaniu gruntownej analizy przezwisk pod kątem semiotycznym, historyczno-kulturowym, socjologicznym i pragmatycznym, autorka doszła do wniosku, że przyczyn specyficznego charakteru przekleństw białoruskich należy szukać w uwarunkowaniach natury historyczno-socjologicznej. Białorusini, nie do końca unarodowieni, pozbawieni często poczucia własnej wartości, przez długi okres musieli się zmagać z silniejszymi, a jednocześnie bardziej atrakcyjnymi kulturowo sąsiadami. Przekleństwa stały się więc swoistą reakcją i formą obrony bezbronego i upokorzonego społeczeństwa białoruskiego („ból za ból”).

На широкое распространение проклятий в речи белорусов исследователи белорусского языка и культуры указывали не раз [Fedorowski 1935; Янович 1995]. Данный жанр встречается и поныне в живой белорусской речи — от редуцированного восклицания-междометия *А каб цябе!* до более развернутых типа *Каб ты падох!*; *Каб вы задушыліся!*; *Каб цябе халера ўзяла!*; *Каб цябе смала спіла!*; *Каб ты бокам хадзіў!*; *Каб ты карчом сеў!*

Известный белорусский поэт и писатель В. Короткевич, тонко чувствующий душу белорусского народа, приводит несколько утрированный пример того, как белорус привычно пересыпает свою речь проклятиями, подобно тому как русскоязычный представитель низовой городской культуры засоряет свою речь словами типа *так сказать, значит, так, блин* и др:

Два пастухі пасвяць авечкі. Адзін ля лесу, другі — наводдаль. Воўк схпіў адну. Той, што далей, крычыць:

— *Што гэта? Воўк?*

— *Анягож, халера твайму бацьку, заяц?!*

— *То што ён, авечку панес?*

— *Анягож, трасца тваёй матары, табе прынес?! (Караткевіч 1990, 420).*

Естественны проклятия и как средство стилизации народной речи в языке белорусской художественной литературы. Так, мотивы проклятия рассыпаны в дореволюционной лирике Я. Купалы: фразы и сочетания типа *дзеці, жонка шлюць пракляцце; сваю долю праклінаць; кляцьбой без прычыны спаткаюць, адправяць; гарэлку праклінаці; праклінаці горкую долю; клянецца на жонку, клянецца на дзетак; і будзь праклінаны на браццяў сваіх; пракляў бы цэлы свет* очень частотны в стихах классика белорусской поэзии. Впрочем, язык белорусской художественной литературы настолько близок к живой народной речи, что порой сложно отделить натуральную белорусскую речь от ее стилизации. Во всяком случае, приводя в данной статье примеры из художественной литературы, автор статьи, будучи сам носителем белорусского языка, опирался на собственные наблюдения и собственную языковую и речекультурную компетенцию.

Проклятия в качестве иллюстративного материала неоднократно приводил в своих трудах Е. Ф. Карский (Карский 1955, 1956). Вот некоторые из его примеров: *Ліха цябе бяры!*; *Трасца тваёй матары!*; *Лопні твой трыбух!*; *Каб табе мову заняло!* *Каб табе духі выперла!*; *Бадай з цябе кішкі вылязуць, вантробы вывернуцца;* *Кадуцы цябе бяры!*; *Хвароба табе!* (примеры приводятся в соответствии с требованиями современной белорусской орфографии).

Суммируя наблюдения М. Федеровского, Е. И. Янович, В. Короткевича, можем отметить некоторые особенности белорусских проклятий. Это 1) широкая их распространенность в речи белорусов; 2) более частотное употребление в речи женщин; 3) своеобразная интонация произнесения — протяжно и монотонно; 4) чудовищность содержания и 5) ее несоответствие толерантности и незлобивости белорусского народа; 6) клишированность структуры проклятия; 7) поэтичность; 8) корреляция содержания проклятия с конкретной ситуацией-стимулом.

Уже сам перечень названных признаков наводит на некоторые вопросы и размышления. Почему этот жанр популярен у белорусов? От чего это зависит — от специфики жанра или от специфики этноса? И в чем специфика самого жанра проклятия? Каковы его функции в общении? Меняются ли они исторически? Это воспроизводимые или стромые тексты? Какова в них степень стереотипизации и номинализирующей предикации? Как они вписываются в контекст общения?

Эти и другие вопросы наводят на мысль о необходимости рассмотрения проклятий в более широком семиотическом, историко-культурном и прагматическом контексте.

Язык, как система категорий отражения, и культура, как совокупность элитарных духовных достижений, восходят к единому универсальному коду мышления. Основное место в этом коде занимают семиотические оппозиции: *жизнь/смерть, мужчина/женщина, огонь/вода, здоровье/болезнь, свой/чужой* и др. Сами оппозиции являются универсалиями, но их вербализация средствами того или иного языка имеет свою специфику. Одна и та же оппозиция у разных народов, а значит, и в их общении и языках, может проявляться неодинаково, поскольку ее важность, значительность для каждого народа разная. Так, для народов, в вероисповедовании которых смерть представляется как одна из многочисленных форм жизни, воспринимающих смерть как испытание для души. Вода — хозяйка верха на Балканах, но хозяйка низа на Балтике (Из работ 1997, 223–224). Как левые, так и правые члены оппозиций коррелируют между собой т.е. с *жизнью* ассоциированы *верх, мужчина, добро, свой, святость* а *смерть* ассоциирована с *низом, женщиной, злом, грехом* и т.д. См. как дихотомия *мужчина/женщина* коррелирует с рядами других оппозиций в белорусской народной песне:

Янка стаіць на гары,
А я — ў даліне.

Янка сее кавуны,
А я — журавіны.
Журавіны не ўзышлі,
Кавуны пасохлі.
Ка мне хлопцы не хадзілі,
Каб яны падохлі.

Предложенное и раскрытое Ю. М. Лотманом понятие семиосферы, ее двойственного характера, пространства, определяемого и интерпретируемого представителями каждой культуры как мир и антимир, как свое и чужое, нормальное и аномальное, упорядоченное и хаотичное, безопасное и опасное, *мое*-пространство и *их*-пространство, предполагает не только существование определенной границы между этими конфликтующими структурами, но и взаимодействие этих структур. „Поскольку граница — необходимая часть семиосферы и никакое „мы” не может существовать, если отсутствуют „они”, культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней „дезорганизации”. В этом смысле можно сказать, что „варвар” создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем. Внешнее запредельное пространство семиосферы — место непрерывающегося диалога. Безразлично, видит ли данная культура в „варваре” спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного каннибала, она имеет дело с конструктом, построенным как ее собственное перевернутое отражение” (Лотман 1996, 191).

Сказанное в равной мере относится и к внутреннему, внутрипредельному семиотическому пространству этноса, в котором мир и антимир сосуществуют и взаимодействуют в самых причудливых своих проявлениях. В прагматике общения лингвосемиотические оппозиции отражены в дихотомии *я/не-я*, в которой все левые члены оппозиций соотносятся с *я*, все правые — с *не-я*. Это не означает, что в речевой практике каждого этноса именно так это и происходит. В силу собственных мотивов или предписаний социума *я* говорящего может соотноситься и с правыми членами оппозиций, равно как и в *не-я* способны преломляться левые.

В силу несовпадения мотивов, целей, установок, компетенции коммуникантов и других условий общения дихотомия *я/не-я* трансформируется в речевых и поведенческих стереотипах в каждой культуре самым причудливым образом. Добавим и то, о чем уже говорилось выше: с учетом исторических условий развития этноса, его социальной стратификации на разных этапах его развития корреляция членов оппозиций получила разные доминанты.

Таким образом, во взаимодействии культур и в прагматике общения (в межкультурном и внутрикультурном семиотическом пространстве) негатив так же важен, как и позитив. Унисон и диссонанс в одинаковой мере создают и социально поддерживают иерархию, более того, не всегда форма диссонанса является негативом в содержательном и результативном отношении. Так, пожелание-тост при заселении в только что построенную хату *Каб яна згніла!* содержит благопожелание — заклинание от пожара. До сих пор жива традиция белорусов употреблять хулительные характеристики (либо несколько раз плюнуть) вместо восхищения в адрес младенца (чтобы не сглазить). См. пример из прозы В. Адамчика, с магнитофонной точностью воспроизводящего колорит речи жителей Дятловского района Гродненской области:

[Старуха молодой матери]:

— Паказвай сынка.

Алеся павярнула дзіцятка...

— *Цьфу, цьфу, — суха сплюнула старая. — Добры хлопчык. Рызтык ты. На цябе падобны. Хай расце ды гадуецца здаровы. („I скажа той, што народзіцца“).*

В менталитете белорусов и поныне сохраняется реакция самооговора, хулы или оправдания в свой адрес на стимул-похвалу: к примеру, в ответ на восхищение красиво вышитым рушником белоруска скромно ответит репликой типа: *От, вечерам не было чаго рабіць*, или: *От, папоркалася трохі*, или: *Нітак добрых не было* и т.п.

Если исходить из того, что в основе категории гоноративности (см. подробнее об этом в (Конюшкевич 1998)) лежит социально обусловленная интенция каждого из коммуникантов уступить приоритетную ролевую позицию партнеру по общению, то применительно к основным координатам, в которых существует человек, — времени, пространстве, количестве, это означает — отдать партнеру приоритет во времени, в пространстве, в количестве (Канюшкевич 1999), т.е. в чем-то поступиться миром своего я, своей личностной сферой.

Наблюдения над языковыми стереотипами в прагматике общения белорусов свидетельствуют о том, что в белорусском этносе, длительное время сохраняющем однородную национально-культурную и социальную стратификацию (с конца XVII столетия в течение около двух веков белорусский этнос — это крестьянский социум и народная культура, не было арго, не было разделения языка на литературную форму и просторечие), общение покоилось на оси интимизации (*свой/чужой*).

Отсюда частотность слов *мой* и номинаций с морфемой *-ласк-*, отмечаемая еще Е. Ф. Карским и другими исследователями, много-

численность диминутивных форм в белорусском языке при обращении (*людцы, дзеткі, жанчынкі, браточки, божухна*), уменьшительно-ласкательные аффиксы даже в глаголах (*спатанькі, пітанькі*).

В прагматике общения поляков, например, социальная дифференциация более отчетливо просматривается в оппозициях на пространственной оси (*верх/низ*).

Представляется, что интимизирующая семиотическая доминанта в белорусском этносе обусловлена необходимостью самовывживания рядом с более сильными соседями, с которыми выгоднее было жить в мире и согласии, нежели воевать, а это требовало поступиться своей личностной сферой. Отсюда в прагматике общения белорусов доминанту составила корреляция оппозиций *жизнь/смерть — свой/чужой — здоровье/болезнь — доля/недоля*. Например, сопоставительный анализ народного речевого этикета белорусов и болгар показал, что в благопожеланиях белорусов преобладают формулы с пожеланиями здоровья, в то время как в народном этикете болгар превалируют пожелания достатка в виде приплода скота (Василевич 1998).

В силу своей социальной однородности и семиотической открытости белорусский этнос не выработал социолектов герметического характера типа арго или обценной брани. А поскольку в реальной жизни этноса есть место и негативным сторонам его существования, то эта обратная сторона „медали” не могла не найти своего отражения в какой-либо иной форме стереотипов диссонансного характера. Такими доминирующими стереотипами стали по отношению к внутренней семиосфере (миру я) стереотипы Жальбы, а к внешней (миру нея) — проклятия, как наиболее естественная (для стресса) и адекватная (по семиозису) речевая реакция на причиненную физическую или речевую агрессию, реализующая принцип не „кровь за кровь”, „око за око”, а „боль за боль”.

В. Короткевич в своем знаменитом эссе „*Земля под белыми крылами*” писал: „Яшчэ да параўнальна нядаўняга часу на Беларусі лаянкі амаль не ведалі, а замест яе існавалі вось такія „кленічы” (Короткевич 1990, 483). В белорусском языке имеется довольно распространенная группа слов с корнем *-клят-*, маркированных и негативно, и позитивно (сравн. *клятва — пракляцце*). Семантику проклятия, как речевой ситуации недоброго пожелания, выражают слова *клясці, праклён, праклінаць, клятты, праклінаны, пракляты, кляцьбы* (формулы проклятия), *кляцьба* (сам процесс формирования и произнесения недоброжелательной формулы), *кленічы, кляцце, закляты* (‘проклятый, заколдованный злыми чарами’), *заклён*.

Сама формула проклятия может быть и темой фрейма всей речевой ситуации Проклятие, и представлять только слот, сопровождающий другую ситуацию (например, в ситуации Требование, Предупреждение, Угроза, Восхищение, Запрет и др.). Пример первой представлен в рассказе В. Короткевича про деда, несогласяющегося переехать из курной хаты в новую, пока потерявший терпение и время на уговоры председатель колхоза не велел трактористу подцепить развалюху трактором: *Дзед кляў так, што палова вескі сабралася: „Зачапіў, каб цябе так за рэбры чаплялі, знёс, каб цябе так з машынай тваёй з моста знесла; села хата на кут, каб цябе так на покуць ніколі не садзілі* (имеется в виду сесть под образами в качестве почетного гостя) *і толькі раз галавою паклалі (головой под образами и ногами к дверям кладут покойника)”. Примеры проклятий-слотов, входящих в структуру фреймов других ситуаций: ситуации Требование (*Уставай, каб ты не ўстаў!*); Размышление (особенно по поводу чужих): *І чаго яны тут стаяць, каб яны вочы паўстаўлялі (каб яны каменем сталі, шулам сталі)*; Отказ: *Абрыдла мне капаць гэту бульбу. Што я, наймічка? Хай яна згніе, гэтая ваша бульба!*; Укор: *От неўдач, каб цябе агонь высмаліў!*; Неодобрение: *А хай жа вас, бабы, халера, як вы языком менціце. У кожнай з рота па сабаку скача*; Неверие: *Каб табе такая доля, як ты праўду кажаш*; Воспоминание о пережитом: *А што было, а што знеслі зямелька і людзі — на сухі лес бы на ніцые лозы тое... На сухі лес тые войны* (последний пример записан Ф. М. Янковским (Янкоўскі 1986, 316).*

Формулой проклятия часто сопровождаются междометия и реплики понукания лошади, кормления или отгона домашнего животного: *Хо-о, каб ты здохла!*; *Кыш, ліха на вас!*; *На, еж, каб цябе ваўкі з’елі!* Привычность белорусов уснащать речь проклятиями по поводу и без повода обусловила редукцию формы; проклятия: *А каб цябе!*; *А бадай цябе!*; *А няхай цябе*, что в свою очередь сделало проклятия амбивалентными, способными выражать и позитивное отношение, например, при восхищении: *Ах, каб вы спрахлі (скіслі), як добра скачаце (іграеце, гаворыце, спяваеце)!*; *Але ж і спрытны, каб на яго халера!*; *А хай на вас халера, бабы, як жа добра вы спяваеце!*

Поскольку в бытовом речевом поведении сам говорящий придает проклятиям мало значения, то адресатами проклятия могут быть и близкие люди — родственники, супруги. Проклятиями уснащается речь при побудке (*Уставай, каб ты не ўстаў*), приглашении есть (*Еж, лопні твой трыбух!*), требовании замолчать (*Сціхні, каб табе мову заняло!*) или утихомириться (*Ціха, каб на вас ліха!*), но основная функция проклятия в таких случаях — это, с одной стороны, демонстрация гово-

рящим своего недовольства поведением или замедленностью ответных действий адресата, с другой — снятие стресса, вызванного подобным поведением адресата.

Повышенный градус негатива в теме проклятия — не только психическая реакция говорящего. Это и „муки слова”, поэтическое творчество, самореализация, отсюда и плеоназмы: *Каб цябе трасца затрасла (прага спрагла)*; *Каб ты гарам гарэў*, сравнения: *Каб ты карчом сеў*; *Каб ты высах як гарохавае лапатачка* (пример Е. И. Янович (Янович 1995)), метафорические предикации: *Каб да цябе гарачая смала прыстала*; *Каб да цябе сарочка не дакраналася!* (чтобы был такой худой); *Каб цябе пярун спаліў!*; *Каб цябе ў гэтай кашулі ў труну паклалі* (в адрес вора, укравшего сорочку); рифмовки: *Каб ты край, сцяну драў, да дому прыйшоў і месца не знайшоў*. О мастерстве белорусов проклинать В. Короткевич писал: „Бывалі такія майстры-імправізатары, што і не хацеў бы, а спынішся паслухаць сварку. Вынаходлівасць у параўнаннях — незвычайная” (Короткевич 1990, 483).

Проклятие — одна из сильнейших диссонансных ситуаций. Сакральная по своей универсальной природе, в белорусском этносе она трансформировалась в несколько разновидностей, для которых в белорусском языке имеется несколько номинаций: *кленічы*, *праклён*, *кляцьба*, *пракляцце*.

Кленічы — самая безобидная разновидность проклятий. Это образные проклятия. Иначе они могут называться *кляцьбой*, т.е. подчеркивается сам процесс возмущения говорящего, уснащение его упреков образными проклятиями. Как правило, именно эти проклятия имеют в структуре четкую корреляцию между действием адресата и злопожеланием говорящего: *Курыш, каб на табе шэрсць курэла! Смаліш (н'еш), каб цябе смала спіла! Парваў, каб цябе на кавалкі парвала; Вылез, каб табе вочы павылазілі*.

Образные проклятия — и воспроизводимый, и вместе с тем продуцируемый жанр. Он имеет клише, но пусковым механизмом его продуцирования служит любое действие или даже ключевое (для проклинающего) слово адресата проклятия. Например, после прочтения газеты, в статье которой, по мнению адресата, содержалась ложная информация, говорящий возмущается: *Свістун, каб ты век світаў, не пераставаў, як ту свіснуў. Капелька! Каб над табой усё жыццё капала, не пераставала!* (І. Шамякін, *Крыніцы*). Такие проклятия могут наполняться новым содержанием: *Каб ты заўседы новыя чаравікі (боты, туфлі) насіла!* (это злопожелание: новая обувь чревата мозолями); *Пад-*

нялі цэны, каб іх падняло і кінула!; Даў, каб табе так зарплату давалі!
И т.п.

Образные проклятия, адресованные детям, имеют сюрреалистическое содержание: *А каб цябе качкі! Каб цябе качкі затапталі! Каб цябе кот пакаціў! Каб цябе снег спаліў!* В одной и той же ситуации может быть употреблено высказывание, содержащее и негатив, и позитив: *Каб цябе нячысцік панюхаў і не рухаў!* См. также шуточные проклятия: *Каб ты ўпіўся!; Каб ты скіс! Згінь ты, прападзі, апроч пападдзі!* (последние три примера из (Federowski 1935, 405–419).

Кленічы употребляются в одном высказывании с ласкательными характеристиками и обращениями. Например, свекровь невестке адресует: *А што то, каб на цябе паляруш, мая ты кветачка, каб табе дух заняло, мая ты ягадка, — усціхла, нябось, — спакарнела!* (Ядвігін Ш., *Панская фіга*).

Более страшные проклятия называются *праклёнамі*. Они лаконичны по структуре, их фрейм состоит из слотов „адресант”, „адресат”, „тема”, слот же „результат” отсутствует, ибо сила проклятия — в самой его перформативности: *Я праклінаю цябе!; Будзь ты прокляты!; Будзьце вы прокляты!* Белорус проклинает таким проклятием тяжелую долю, скотскую жизнь, войну, родители — детей, если те нарушат важнейшие заповеди. И. Шамякин пишет по этому поводу: *Пакрыўджаны мужык — страшны ў гневе. За хлеб можна бога і бацьку роднага пракляці („Хлеб”)*. См. также: *Не паслухаеш бацьковскага слова — вярнуся, — не пагляджу на твой маз пад носам, — дзве скуры спушчу... не вярнуся — з таго свету праклянну!* (Ядвігін Ш., *Жывы нябожчык*).

К указанному жанру белорусы относятся с опаской. Например, свекровь невестке, которая изменила мужу: *Сэрца маё часта поўніцца гневамі і злосцю. За сына, за ўнука. Але паслаць табе праклёны, зычыць няшчасця я не магу* (І. Шамякін, „*Ах, Міхаліна, Міхаліна*”). В основном проклятия такого жанра в белорусском этносе (и в современном белорусском социуме) редки, что свидетельствует о понимании сакральной силы проклятия, формула которого, как и имя всевышнего, не упоминается. Поэтому соседка соседке может в сердцах сказать самую чудовищную образную формулу, но ей в голову не придет произнести лаконичное, но страшное *Будзь ты проклята!*

О том, что в белорусской речевой культуре образные и прямые проклятия (*кленічы* и *праклён*) дифференцируются, свидетельствует и тот факт, что не существует проклятия с прямой номинацией смерти: **Каб ты памёр!* Зато: *Каб ты здох! Каб цябе спушыла! Каб ты задушыўся!*

Каб табе духі заняло!, в которых в сущности содержится то же пожелание смерти, однако оно эвфемизировано иной номинацией, что делает его содержание как бы ненастоящим. Прямое же проклятие содержит только сам перформатив, но результат проклятия не называется вовсе. Не случайно о нем напоминают в ситуациях Предостережения и Совета (*Зрабі так, каб людзі не праклялі*), Просьбы и Требования (*Зрабі гэта, а то праклянну*). На такой вывод наводят и наблюдения известного собирателя белорусских речений, или, как он сам любил их называть, «залацінак народнай мудрасці», Ф. М. Янковского. В главе с соответствующим заглавием «*А каб табе!..*» своей книги «*Само слова гаворыць*» он отмечает, как представитель иной речевой культуры высказывает свои высокомерные наблюдения об особенностях одного из белорусских говоров (и в том числе — о чрезвычайной мягкости формул проклятий):

— *Жыву тут даўно, сам не з тутэйшага краю... А словы іхнія неяк кідаюцца ў вочы... Я проста не зношу іхняга „сакання“: „абуўса“, „выспаўса“; іхніх „мама сказалі“, „тата, дайце грошай“... іхніх „а каб цябе!“, „а бадай цябе!“... Што там, каб цябе“?! Раззлавайся, то так словам краяні, каб аж дым найшоў! Ці дай па скабах, каб кожная на тры кавалкі ляцела!”* (Янкоўскі 1986, 109) (выделено нами — М. К.).

Вместо ответа своему собеседнику или комментария по поводу его тирады Ф. М. Яновский дает описание привычной для сельской жизни картинке: хозяйка подгоняет хворостинкой кабана. *„Яна, мазаючы тоненькім мяккім дубчыкам, але быццам баючыся дакрануцца да кабана, ці то далікатна прасіла яго, ці то паганяла: — Ідзі ж, гультаечка, ідзі. А каб табе хвост у сала ўрос! Ідзі. Каб табе салам вочы пазаплывалі“*.

Приведенные отрывки свидетельствуют о том, что проклятия-кленічы часто обнаруживают прозрачность границ между собственно проклятием и благопожеланием, а в прагматике речи выполняют функцию сопровождающего речь или действие восклицания, междометия, редуцированного до амбивалентного *А каб табе!* К этому и привел своего читателя Ф. М. Яновский, закончив главу благопожеланием: *„Дзякую Вам, старэнькая Марусіха! Вы і сёння, ведаю, поіце людзей бярозавікам, сустракаеце іх ласкавым словам і кажэце ім ваш „Каб!..“ Пачуйце і ад мяне: каб вам яшчэ многа гадкоў спакойна спалася, легка ўставалася, спрытна хадзілася!“*

Если вернуться к собственно проклятиям, то еще более сакральный смысл таится в существительном *пракляцце*, хотя и способном иметь форму множественного числа (в таких случаях оно синонимично слову

праклён), но употребляющемся обычно в единственном числе и имеющем значение ‘крайнее, бесповоротное осуждение кого-либо за содеянное’, ‘заклятие, совершенное злыми сверхъестественными силами’. В последнем значении в белорусском языке ему соответствует синоним *насленне*. О силе проклятия свидетельствует и сочетаемость слов *пракляцце, кляцьба, праклён: вечнае пракляцце, стогн пракляцця, страшная кляцьба, страшнае пракляцце, наслаць пракляцце, прычыніць пракляцце, пракляцце ляжыць на іх* и др.

Поскольку в народном этикете белорусов фактор третьих лиц имеет особую значимость (*Што людзі скажуць?; Трэба так жыць, каб людзі не абгаворвалі; Жыві па-людску!*) (Піваварчык 2000), то и обыкновенных проклятий все-таки остерегались, стараясь предупредить их: *Зрабі так (прадай бадлівую карову, засячы ваяўнічага пейня, пазбайся памаўзлівага ката), каб людзі не клялі.*

В соответствии с семиотическими доминантами добра (*жизнь, свой, здоровье, доля*) и зла (*смерть, чужой, болезнь, недоля*) наиболее популярным злополжеланием в проклятиях белорусов являются пожелания болезни, мучений: *Каб цябе халера (трасца, паляруш, гарачка, разачка, крываўка, нуда, немач, моркі) узяла (і)!; Каб ты задушыўся (здох, спух, вывернуўся, скруціўся)!*

Правый член оппозиции *свой-чужой* в проклятиях наполняется номинациями нечистой силы: *Хай цябе чорт (кадук, ліха, нячысцік) бярэ!* Иногда сила представлена бессубъектно: *Каб цябе ўзяло і не адпусціла!*

Е. И. Янович отмечала, что нередко в проклятиях наблюдается апелляция к божественным силам за содействием в осуществлении недоброго пожелания: *Каб цябе Пярун спаліў!; Няхай табе Божса не дасць добрай смерці! Карай цябе Божса!* [Янович 1995, с. 56]. Восходит к форме проклятия и благопожелание самому себе в качестве положительного ответа на вопрос *Як справы?* — *Карай Бог да веку* (‘пусть всегда будет так хорошо’).

Способ языковой реализации фреймовой структуры проклятия зависит от разновидности проклятия. Проклятия-*кленічы* имеют следующие синтаксические модели: 1) адресатная: *Каб табе (моль пяты пабіла, рукі адсохлі);* 2) объектная: *Каб цябе (паляруш узяў, трасло не вытрасла, задушыла); Каб на табе шэрсь курэла!;* 3) субъектная: *Каб ты гэтыя грошы на знахароў усе аддаў!* (‘отдал все деньги на лечение’).

Проклятия, в которых слот „адресат” представлен прямой номинацией в позиции подлежащего, приближаются к благопожеланию в ад-

рес самого говорящего: *Каб ворагі нашы спераду багацелі, а ззаду гарбацелі!*

Сакральное проклятие (*праклён*) не реализуется адресатной структурой, возможна реализация субъектной (*Будзьце вы клятвыя!*) либо объектной моделями (*Я праклінаю цябе!*). Об этом свидетельствует и сочетаемость глагола *праклінаць*: *праклінаць долю (жыццё, вайну), праклясці бацьку (сына) роднага*. Адъективированное причастие *пракляты* приобрело более широкую сочетаемость и утрачивает сакральный смысл. Ср.: *праклятая доля, праклятае месца — праклятыя боты (жмут), праклятая туш (жжет глаза), пракляты п'яніца* и др.

Выражение проклятия императивной конструкцией типа *халера цябе (яго) бяры; чорт яго бяры; кадуцы яго бяры; ваўкі цябе зарэж; гары яно гарам, ядры іх*, а также редуцированные структуры типа *ліха на цябе, трасца табе, ліха з табой, халера на цябе, трасца з ім*, приближает эти структуры к вводным междометным выражениям. Например: *Уступлю я свой пакос Банадысіку, хварэй ён, нячыстая сіла* (М. Гарэцкі. Антон); *„А ці чулі, што ў Рабках родныя сыны бацьку з нейкага абрэза праз акно застрэлілі?“ — „За што?“ — „Што да каханкі хадзіў. . . Тамака, праўда, маці падвучыла.“ — „Што ўжо вучыць, хай жыве, трасца з ім* (В. Адамчык, *І скажса той, што народзіцца*); *А бадай на вас, калі ж та ўспелі музыку прывязці? — вясёла гукнула маладзіца. . .* (В. Адамчык, *І скажса той, што народзіцца*).

В речевом поведении белорусов функционирует еще одна разновидность проклятия, отличающаяся временным вектором: если все рассмотренные выше проклятия имеют футурумный характер, т.е. обращены в план будущего, то проклятия, о которых будет идти речь ниже, обращены в план прошлого. Произносятся они только в определенных ситуациях: это проклятия родителей или просто взрослых людей в адрес подросших детей по поводу содеянного теми проступка или преступления либо порочащего семью недостойного поведения. Речь идет о проклятиях со значением опереционального предпочтения: *Лучше бы с тобою случилось плохое в детстве, нежेलи теперь видеть твое поведение*. Такие проклятия — модель „возможного мира“, в котором ценой несчастья можно было бы предотвратить сегодняшнее реальное несчастье, например: *Лепш я бы цябе, сыночак, у начоўках утапіла, чым цяпер ад цябе такое цярпець! Лепш ты на свет не радзіўся б!*

Модели структуры таких проклятий следующие: *Лепш ты. . . ; Хай бы ты. . . ; Чаму ж ты не. . . ; Хай бы цябе гарачка маленькага забрала! Хай бы ты ў палонцы ўтапіўся!* Проклятия в форме вопросительного высказывания максимально приближаются к высказываниям причи-

тания: *Чаму ж я цябе ў начовачках не ўтапіла? На што ж я цябе на свет нарадзіла?* Пример, записанный Е. Ф. Карским: *Чаму цябе лепей цялёнкам ні парадзіла: дык воўк бы з'еў, ці жыд зарэзаў* (Карский 1956, 467).

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что феномен проклятий в белорусской речевой культуре обусловлен спецификой ее семиотического пространства, которое в нестратифицированном этносе формировалось прежде всего на оси интимизации — не в отвергании и уничтожении *чужого*, а во включении его в *свое*. Поэтому жанр проклятия явился формой, наиболее соответствующей для реализации принципа „боль за боль”, обеспечившего зависимому этносу возможность выжить рядом с более сильными соседями.

Содержательная и структурная разнородность проклятий вызвана разнообразием их функций — функцией снятия стресса, функцией отмщения, самоутверждения, эвфемизации, поэтического творчества, заполнителя пауз в спонтанной речи и др.

Будучи структурами воспроизводимыми, но способными менять свое лексическое наполнение, проклятия, хотя и реже, используются в речевом поведении белорусов, отражая современные реалии. Совпадение проклятий по синтаксической структуре с благопожеланиями делает этот жанр амбивалентным, особенно в редуцированных высказываниях, перешедших в эмоциональную сферу речевого поведения.

Литература

- Василевич В. А., 1998, *Благопожелание в русском, белорусском и болгарском языках, Антропоцентричний підхід у дослідженні мови*. Матер. VII міжнарод. Карських чит, Ніжин-Гродна, 193–196.
- Караткевич У., 1990, *Збор твораў у 8 т.*, Т. 8, кн. 1. П'есы. Нарыс-Минск, Маст. літ.
- Карский Е. Ф., 1956, *Белорусы: язык белорусского народа*, Москва 1995, Изд-во АН СССР, вып. 1, вып. 2.
- Из работ Московского семиотического круга: Сб. статей (А. А. Зализняк, В. В. Иванов, Т. М. Николаева, В. Н. Топоров и др.) *Язык русской культуры*, 1997.
- Лотман Ю. М., 1996, *Внутри мыслящих миров: Человек — текст, семиотика — история*, Языки русской культуры, Москва.
- Конюшкевич М. И., 1998, *Категория гоноративности и ее отношение к функциональной грамматике. Вопросы функциональной грамматики: Сб. н. тр.*, Городно, 25–35.
- Канюшкевич М. І., 1999, *Лінгвасеміятычныя апазіцыі ў лютэрку беларускага маўленчага этыкету*, „Роднае слова”, 3, с. 76–83, 10, с. 95–100.

- Піваварчык Т. А., 2000, *Бог і людзі як фактар трэціх асоб у персаналізацыйнай структуры беларускіх маўленчаэтыкетных сітуацый*, „Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы”, 3(5), с. 139–145.
- Яновіч Е. И., 1995, *Текстовая структура и формуляр белорусских народных проклятий. Язык и этнический менталитет*, Петрозаводск, с. 55–60.
- Янкоўскі Ф. М., 1986, *Само слова гаворыць: Філалагічныя эцюды, абразкі, артыкулы*, „Мастацкая літаратура”, Мінск.
- Federowski M., 1935, *Lud białoruski na Rusi Litewskiej: Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905*, t. I, Warszawa.

CURSES IN THE LINGUISTIC BEHAVIOUR OF BYELORUSSINAS

The article is an attempt to describe contemporary Byelorussian curses (*кленічы, праклён, кляцба, пракляце*). An analysis of rich language material from peasant dialects, the colloquial variety of Byelorussian and literature has revealed the most significant characteristics of Byelorussian curses. The curses are 1. commonly used, 2. more frequent in the speech of men than women, 3. spoken with peculiar protracted and monotonous intonation, 4. drastic in their content, 5. contradictory in nature to the traditional tolerance and amiability of Byelorussians, 6. stereotypical in their structure, 7. poetic, 8. correlated in their content with a specific situational stimulus.

An attempt is made to answer the following questions: Why are curses so popular in the speech of Byelorussians? Is it because of the specificity of the genre or of the ethnic group? What is the nature of the peculiarity of the curses? What are their functions in linguistic communication? Are these functions susceptible to historical change? Are they creative or merely reproduced texts? To what extent are they stereotyped?

Having analyzed in detail the linguistic material from the semiotic, historical-cultural, sociological and pragmatic perspective, the author concludes that the specific nature of Byelorussian curses stems from historical-sociological conditioning. For a long time, Byelorussians were deprived of self-confidence and did not constitute a full-fledged nation. They had to cope with stronger and culturally more attractive neighbours. In accordance with the principle of ‘pain for pain’, curses began to serve as a peculiar reaction and a form of defence of the helpless and humiliated Byelorussian society.